

М. Кушникова, В. Тогулев

ИЗ ЖИЗНИ УЕЗДНОГО УЧИТЕЛЯ ВЕРГУНОВА

«...Уездный учитель остался один со своими стремлениями... Он не хотел преклониться перед проповедниками чванства и роскоши, он не признавал их величия и глубоко оскорбил их этим. Они отвергли его и уничтожили».

В. В. Берви-Флеровский.

1. ДОМАШНИИ АРЕСТ

Неудобный Вергунов. — «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровский опубликовал в 1869 году. Как известно, он отбывал «мягкую ссылку» в Кузнецке в начале 60-х годов. Как человек просвещенный, он не мог не общаться с интеллигенцией маленького города и, конечно же, был наслышан, хотя бы от того же зрителя уездного училища Федора Алексеевича Булгакова, которого тоже поминает в своем очерке о Кузнецке, о нашумевшем романтическом браке Ф. М. Достоевского с М. Д. Исаевой в 1857 г. и, конечно же, в этой связи мелькало в разных трактовках имя уездного учителя Николая Борисовича Вергунова — соперника Достоевского...

Имя Вергунова, волею судеб попавшее на одну страницу истории с именем великого писателя, долго овеяно было смутными слухами, и облик Вергунова в описании самого Достоевского рисовался малопривлекательным. В письмах своим близкому другу и свидетелю «грозного чувства» А. Е. Врангелю Достоевский характеризовал его как юношу, у которого «конечно, сердце... доброе, и плачет он искренне, но, кажется, только и умеет плакать» и при том «еще собирается устраивать свою и ее (Исаевой. — авт.) жизнь» (28, I; 236).

Из книги: М. Кушникова, В. Тогулев. «Загадки провинции (Кузнецкая орбита Федора Достоевского в документах сибирских архивов)». Готовится к печати.

Очевидно, эта оценка Вергунова была передана Достоевским Анне Григорьевне, а от той унаследована Л. Ф. Достоевской. По ее мнению, «...красивый молодой человек был столь незначителен, что Достоевскому никогда в голову не приходила мысль, что он может быть его соперником»¹.

Но почему же Достоевский до самого момента венчания с Исаевой в Одигитриевской церкви опасается, что «слабый юноша» может увести невесту из-под венца? Почему в «обыске брачном № 17» мы с удивлением находим подпись «поручителя по жениху»... Вергунова, уже зная из писем Достоевского, что тот у него «просил дружбы и братства?» Откуда такая уверенность у дочери Ф. М. Достоевского Любови Федоровны, что Вергунов после брака Исаевой с Достоевским последовал за ними в Семипалатинск и Тверь, и что связь с Исаевой не прекращалась чуть не до самой ее кончины (апрель 1864г.), причем якобы имело место некое предсмертное признание Достоевскому обо всем, сказанном выше?²

Каков же был этот загадочный уездный учитель, которому ко времени его встречи с Достоевским было всего 24 года от роду, если, при всей пренебрежительности отзывов о нем, Вергунов выступает шафером на бракосочетании и оказывается прямым или косвенным прототипом героев главных произведений Достоевского, причем, как правило, героев, описанных с плохо скрываемым раздражением — свидетельство того, что «расправа» с былым соперником для Достоевского даже через годы остается «живым» делом...

Недавно в Томском архиве среди многих документов, касающихся учителей уездных училищ, подведомственных Томску, обнаружена любопытная подборка — этакая провинциальная драма, каких, наверное, немало можно найти в архивных папках, чем-то очень сродни описанному у Л. П. Блюмера «мелким злодействам» в романе «Около золота»³, действие которого происходит преимущественно в Кузнецке. Однако главным страдательным лицом упомянутой выше драмы оказался... Николай Борисович Вергунов, уездный учитель, но уже не в Кузнецке, а... в Семипалатинске.

Попытавшись по датам восстановить хронологию событий, мы смогли, думается, лучше понять сущность загадочного соперника Достоевского. Более того, эта подборка документов вносит ясность и в вопрос, пребывал ли Вергунов вблизи от Исаевой в течение многих лет, хотя... задает и новую загадку.

Итак, 5 августа 1863 г. учитель Семипалатинского приходского училища Вергунов учтиво просит господина директора училищ Томской губернии: «не отказать мне в ходатайстве о награждении меня чином, для чего имею честь представить требующиеся для того документы». При сем Вергунов напоминает: «В бытность Ва-

шего Высокоблагородия в Семипалатинске для ревизии училищ в настоящем году, я имел честь лично доложить Вам, что исполняя обязанность приходского учителя с 25 марта 1854 года (это в Кузнецке. — авт.), что составляет 9,5 лет, все это можете усмотреть из формулярного моего списка...» — и просит о присвоении ему чина не по званию приходского учителя, а — домашнего, ибо для этого хватит и восьмилетней выслуги лет⁴.

Похоже, это заявление Вергунова послужило детонатором непонятной по силе лавины провинциальных чиновничьих страстей, которая в течение лишь полутора лет погребла карьеру незадачливого Вергунова. Первая реакция последовала 19 сентября того же года. Господин директор Томских училищ особых симпатий к Вергунову, очевидно, не питает (с добром ли уехал из Кузнецка, не тянется ли некий не названный никем, но смутивший местных обывателей шлейф?) и сообщает штатному смотрителю Семипалатинских училищ Делаткевичу, что не видит оснований для присвоения чина Вергунову, поскольку, «чтобы получить ему первый классный чин, он должен прослужить в этом звании согласно 788 ст. III т. Св. Законов гражд. изд. 1857 года — 12 лет», а для получения звания домашнего учителя — 10 лет. Но — главное не это. Оно, главное, читается меж строк — Вергунов отдан Делаткевичу «на милость»: «А также прошу объявить г. Вергунову, что особых форм, одобрительных свидетельств и для составления годового отчета по званию домашнего учителя не имеется...»⁵.

Мстительный смотритель. — Делаткевич намек понял. 24 октября 1863 г. он начинает «пристрелку» и направляет Вергунову предписание № 197, где мелочно его уличает: «...У Вас нет книги для записи училищного имущества и нет каталога, как должно ведомого, учебным пособиям и книгам». Очевидно, возмущало Делаткевича, более всего, то, что «все это вместе и неполно, наскоро записано Вами на двух несшитых листах бумаги»⁶ ... Позднее Делаткевич направит о сем предписании и о реакции Вергунова соответствующее донесение в Томск, где подчеркивает особо и нарочито «два несшитых листа бумаги, которые я сам сшил»⁷. За этой малостью он не заметил, что Вергунов раздавал книги из библиотеки не кому-нибудь, а учащимся, но, очевидно, доверяя им — может, и излишне, — не всегда записывал их в библиотечные формуляры. Словом, он строго Вергунову наказывает «...собрать для проверки мною учебные книги, розданные Вами учащимся и не оказавшиеся налицо 23 октября, в течение двух недель, считая от 24 октября; в противном случае я донесу о нецелости библиотеки, находящейся под Вашим ведением, г. Директору Томских училищ»⁸.

Какими устными комментариями сопровождалось предписание, легко догадаться, ибо рядышком с ним — своего рода «декларация» Вергунова: «... В предписании своем от 27 октября, Ваше Высокоблагородие, выразили то, что будто бы, во-первых, я не понимаю и совершенно чужд знаний долга службы и, в особенности, благопристойности, приличия и вежливости. Последнее, как видно из Ваших выражений мне, вывели Вы из того, что когда 27 октября вошли в приходское училище, то я не поклонился Вам, это и было так, но я ведь имел на это свою особенную причину и именно ту, что по принятому обычаю, даже в простом быту, а не только в обществах образованных, входящий в частный дом или общественное заведение, какого рода оно бы не было, обязан предварительно поклониться и тем, в первом случае, — оказать привет хозяину, а, во-вторых, — обществу, с которым желает провести время. Вы, к сожалению, этих условий не соблюли, а снявши галоши и шинель, едва-едва поклонились учащимся, а не только мне — меня Вы и не заметили. Следовательно, с моей стороны не было ничего ни неприличного, ни невежливого»⁹. Далее Вергунов, еще так недавно «слабый юноша, который только умеет плакать», выдает почти всевластному над ним начальнику отповедь, не только виня того в невежестве, но и с честью отстаивая свое достоинство: «Что касается знания и невыполнения долга моего, то десятилетняя служба моя и формулярный список, которыми я постоянно аттестован «способен и достоин», могут вывести Вас из того заблуждения, в которое Вы впали, вероятно, в запальчивости... которое считаю уже не за личное оскорбление, а официальное, на что... вообще, Законами Российской Империи начальствующим лицам не дано право, право оскорблять подчиненных, в какой бы зависимости они не были, а потому в заключение имею честь объявить Вам, что обо всем этом нахожу необходимым объяснить с г. Директором Томских училищ, представив ему копии с Ваших последних ко мне предписаний»¹⁰...

Вернемся на шесть лет назад. Как известно из письма Достоевского к Врангелю, он, вполне уверенный в своей силе и в ничтожности Вергунова, адресовал из Семипалатинска в Кузнецк некое «общее» письмо, в котором Вергунова назидает: неужели он не понимает, что участь жены учителя уездной школы и вечный Кузнецк, это не для нее (Исаевой. — авт.), что ей, образованной, сильной, уготован иной удел! Чем может он ее поддержать, если сам и шага не сделал без поддержки. Ответ же Вергунова, полный выдержки и достоинства, аттестуется Врангелю как «письмо ругательное», хотя в нем Вергунов пишет: «Да, я беден, но я ото всей души люблю ее (Исаеву. — авт.) и она меня любит. Вы спрашиваете, на какую жизнь я ее обрекаю. Но те

самые двадцать четыре года, которые Вы используете как главный довод против меня, можно обратить и в мою пользу — ведь если мне двадцать четыре года, то у меня вся жизнь впереди!... Да и не по той ли причине убеждаете Вы меня «отказаться», и «не портить ей жизнь», что хотите лучше устроить свою собственную жизнь?»¹¹.

Коллизия с Достоевским для Вергунова разрешилась «беспоследственно», если не считать такую малость, — он всего лишь утратил свою большую любовь...

Не то было с Делаткевичем, что видно из последующего документа от 22 декабря, представляющего собой мстительный донос «по инстанциям», в котором доложено, что Вергунов «не только не принял моих предписаний к руководству и исполнению, но и уверен, что я не имею права делать ему уместные замечания и давать полезные советы»¹². И — уж совсем смехотворная «ловля блох» в поведении строптивного Вергунова: «г. Вергунов... упомянул, что я посетил училище 27 октября, а я был в приходском училище не в воскресенье, а в субботу, 26 октября. Этой опрометчивостью г. Вергунов ясно доказывает... что он точно также небрежно исполняет свою обязанность»¹³. Но возмутительнее всего показалось Делаткевичу, что «23 октября в начале 12 часа, придя в училище, застал г. Вергунова в охотничьем платье и на пороге», к тому же на его реприманды Вергунов ответил: «Я не полицейский, мне некогда бегать и собирать по домам книги»¹⁴. А уж 13 ноября (в том же доносе Делаткевича) в присутствии г. Поникаровского Делаткевич, очевидно, окончательно Вергунова допек, ибо тот, по словам жалующегося Делаткевича, заявил: «Да, у меня нет каталога, нет многих книг и прописей, жалуйтесь, как хотели, гд. Директору Томских училищ; я сумею дать отчет в своих действиях»¹⁵.

Вергунов переоценил свои силы, или, вернее, силу справедливых аргументов и здравого смысла. 18 января 1864 г. директору училищ Томской губернии из канцелярии главного инспектора училищ поступает извещение, что вследствие поданных рапортов «Его Превосходительство имеет честь покорнейше просить... перевести учителя Семипалатинского приходского училища Вергунова под свой личный надзор, если окажется возможным, а за расстраченные книги из библиотеки» — естественно, поручить Делаткевичу удержать из жалования Вергунова¹⁶.

... А Мария Дмитриевна Исаева доживает свои последние месяцы и, стало быть, в 1863 и в начале 1864 г. Вергунова около нее не было?

В «документальной уездной драме» — затишье.

Чрезвычайные причины. Но — 16 августа 1864 г. неусыпный Декаткевич сообщает в рапорте директору Томских училищ за номером 1;5, что «учитель Семипалатинского приходского училища Вергунов по причинам, известным г-ну Главному Инспектору училищ Западной Сибири отстранен мною от должности учителя Семипалатинского приходского училища и подвергнут, по приказанию Его Превосходительства, семидневному домашнему аресту», в связи с чем Декаткевич просит назначить на место Вергунова другого учителя¹⁷.

Итак, семидневный домашний арест. За отсутствие каталога в библиотеке? За неподобострастие — не поклонился первым при встрече?

Но, может, иное, — отлучка? «Самоволка», о которой не пишут, потому что сами ведь не доглядели? Во всяком случае, существуют «причины, известные г-ну Главному Инспектору», которые расшифровке не подверглись.

Но — 15 апреля 1864 г. умирает Исаева. Так, может, если между нею и Вергуновым существовала переписка (вспомним заветный ларчик с письмами из «Вечного мужа» Достоевского), она могла Вергунова и позвать. А он мог, при его складе характера («я не полицейский»..., «жалуйтесь на меня, как хотели»..., «Законы Российской Империи не дают права оскорблять подчиненных»...) на зов ответить немедленно. О, это — сугубо предположительно...

Однако мы знаем — 23 февраля 1864 г. А. П. Иванов Достоевскому сообщал: «... Марья Дмитриевна сегодня пишет Вам, чтобы Вы не приезжали в Москву, будто бы ей лучше теперь, но не верьте этому: она очень слаба...». О своем тяжком состоянии она могла сообщить Вергунову, а его реакция — непредсказуема. Мог к М. Д. и помчаться, — и, может, именно в связи с этим пишет она Достоевскому, чтобы он в Москву не приезжал... И не с этим ли моментом связаны строки Л. Ф. Достоевской, знавшей о «последних временах» М. Д. со слов матери и считавшей, очевидно, что М. Д. Исаева-Достоевская постоянно жила в Твери (о Владимире и Москве ей, видно, неизвестно): «Но кашлявшая и харкавшая кровью женщина вызвала скорее отвращение в молодом любовнике, следовавшем до сих пор всюду за ней. Она надоела ему, и он покинул Тверь, не оставив своего адреса»¹⁸. Примечательно это «всюду», — возможно, обозначает все-таки пребывание во Владимире или каком-либо ином городе, вне Твери; и не о предполагаемом ли нами последнем предсмертном свидании идет речь, после которого Вергунов с горизонта исчез (и оба, видимо, понимали, что свидание последнее — о каком тут адресе может быть речь).

Так или иначе, в служебном поведении Вергунова числился некий проступок, некая причина, по своим масштабам намного превосходящая отсутствие каталога в библиотеке или «растрачивание» книг учащимися. Поскольку 9 сентября 1864 г. главный инспектор училищ Западной Сибири направляет директору училищ Томской губернии документ за № 407, в котором сообщает, что директор смещать учителей имеет полное право, согласно устава учебных заведений от 1828 г., а потому можно бы на место Вергунова назначить коллежского регистратора, чертежника, состоящего при Мариинском окружном землемере Алексея Еремеева — по усмотрению дирекции, но — «причем нужным считаю присовокупить, что Вергунов, в виде исправления, может быть перемещен на службу в г. Нарым, если найдете это нужным. Главный Инспектор училищ А. Попов»¹⁹. Стало быть, тот, кто знает причины смещения Вергунова. И, — стало быть, — в Нарым. Место ссылки. «В виде исправления». Какова, какова же истинная ПРИЧИНА?

19 сентября все дело закончено: уволен Вергунов — назначен Еремеев²⁰.

Для сопоставления, во оправдание весьма робкой догадки, что возникает при упоминании о неких ПРИЧИНАХ устранения Вергунова от должности, его домашнего ареста и предложения фактической ссылки в Нарым (и всего-то из-за дурного состояния библиотеки?!) — приведем содержание другого документа из Томского же архива. В начале 1855 г. учитель кузнецкого уездного училища Серафим Попов нанес жестокие побои штатному смотрителю училища (тот же пост, что и у Делаткевича) Николаю Ананьину. «Побоище» было не только жестоким, но и многокровным. Одежда избитого, равно и самого Попова, также, как и место происшествия, несли обильные следы крови²¹. 30 июня 1855 г. по предложению Томского гражданского губернатора губернский суд, выслушав множество аргументов за и против Попова, постановляет отстранить его от работы учителя, но никак не наказав, за недостаточностью улик, а лишь «оставив под подозрением»²². Заметим, что дело Попова завершилось через 4 года восстановлением его в должности учителя, правда, по специальному императорскому благоволению в ответ на прошение Попова²³.

Дело Вергунова, если исходить только из видимых причин (библиотека, недостача книг и пр.), разворачивалось с небывалой для российского делопроизводства быстротой: в течение года все было кончено. Так ли уж быстро разрешились бы события, не подвернись какая-то неведомая нам, но известная главному инспектору училищ экстра-причина? И еще: если допустить верность нашей догадки, тогда объяснимо отсутствие в названном деле Вергу-

нова каких-либо документов в период между январем и августом 1864 г. «Особая причина», очевидно, должна была найти отражение в каком-то особом, возможно, «закрытом» деле, поскольку затрагивала интересы начальствующих инстанций: проглядели проступок подчиненного.

Был ли так уж неправ наивный и запальчивый Вергунов, веривший в справедливость, и столь ли уж правы будут те современные исследователи, которые, прочтя приведенное выше дело, возможно, пожимая плечами, скажут: Вергунов — человек неуживчивый, в Кузнецке не прижился, в Семипалатинске — такой конфуз...

Ответим: вот еще документ. Опоздавший всего лишь на полгода, чтобы дело Вергунова решилось бы как-нибудь по иному, — впрочем, о его дальнейшей судьбе нам лишь еще предстоит узнать.

Итак — 12 марта 1865 г. военный губернатор Семипалатинской области в документе № 786 сообщает Председательствующему в Совете Главного правления Западной Сибири, что знает Делаткевича «за человека дерзкого и беспокойного», автора подложных доносов, и считает, что «дерзость и нахальство Делаткевича превосходит всякую меру терпения». В связи с чем добавляет, что «справедливость, польза службы и заведений, а также спокойствие общества налагает на меня обязанность ходатайствовать у Вашего Превосходительства о перемещении куда-либо сего чиновника»²⁴. Впрочем, ранее столь же неслестно отзывается об Иване Делаткевиче подполковник Эксблад в докладной записке к военному губернатору Семипалатинской области²⁵. В конечном итоге 25 марта 1865 г. Председательствующий в Совете Главного правления Западной Сибири приказал переместить штатных смотрителей училищ: Семипалатинского коллежского регистратора Делаткевича и Каинского коллежского ассессора Галицкого, поменяв их местами, что свидетельствует своей подписью генерал-лейтенант Панов²⁶.

Отметим, Каинск — тоже не лучшее место в Российской Империи. Но... если бы Его Превосходительство главный инспектор училищ Западной Сибири с большим вниманием отнесся бы к документу, датированному 22 декабря еще 1863 г., в котором директор Томских училищ рапортует, что Делаткевич непрестанно жалуется на учителя Вергунова, добавляя: «Правда, г. Делаткевич большой охотник до бумажного дела, о чем я должен был уже сделать замечание, несмотря на то, что при таких взаимных отношениях смотрителя и Вергунова им служить вместе нельзя»²⁷, если бы эти соображения были бы приняты во внимание высоким начальством ранее...

Возможно, изложенная выше история, попадись в фокус внимания Ф. М. Достоевского, добавила бы еще строку о судьбах «униженных и оскорбленных» в его художественную летопись, а, может, и жгучее сомнение — не явился ли его, Достоевского, «кузнецкий праздник» вехой, сместившей жизненный путь учителя Вергунова с проторенной, хотя и робкой, но надежной колени...

2. ВЕРГУНОВ — СОПЕРНИК ДОСТОЕВСКОГО

Перечитывая письма Достоевского. В июне 1863 года Достоевский пишет Тургеневу:

«... А что касается до предыдущих писем, то болезнь жены (чахотка), расставание мое с нею (потому что она, пережив весну (то есть не умерев в Петербурге) оставила Петербург на лето, а может быть и долее, причем я сам ее сопровождал из Петербурга, в котором она не могла переносить более климата)...» (28, II; 33).

Итак, в начале лета Достоевский увозит М. Д. во Владимир, где климат мягче, а сам вскоре уезжает за границу. Заметим, в поездке этой бурно развивается его роман с Анполинарней Сусловой, и не потому ли сделан акцент **«причем я сам ее сопровождал»** — все, мол, как у людей...

Любопытное письмо следует 8 сентября 1863 года из Турина (Италия) к сестре М. Д., Варваре Дмитриевне, с которой у Достоевского вполне дружеские отношения:

«... Видите: хоть я ей и выдал до октября денег *достаточно*, но я Вам рассказывал, возвратясь из Владимира, что она (М. Д. Исаева. — авт.) лечится и что в случае излечения ей надо дать доктору по крайней мере 100 р. Она говорила мне, что 100 р. для нее страшно много и что она не может. И вот теперь, получив мое письмо, где я уведомляю ее, что посылаю ей деньги, она, может быть, по щедрости своей (а она щедрая и благородная) и решит дать эти 100 р., надеясь на мои деньги. Да кто знает, может, еще что-нибудь и купила себе. Так что теперь трепещу, что ей неостанет до октября. А это мне вдвое хуже, чем если б мне неостало... Боюсь, потому что она дорога мне. Тетенька, милая, если у Вас будут деньги до моего приезда, то нельзя ли послать ей рублей 75... Пишите хоть что-нибудь о Марии Дмитриевне и о настоящей истории с деньгами» (28, II; 46—47).

А дело в том, что едва послав жене деньги, Достоевский проигрался и просит «тетеньку» послать ему 100 рублей из посланных денег обратно.

В сентябре того же года, дня 30-го, Достоевский пишет Павлу, своему пасынку (сыну М. Д.):

«Но вдруг Варвара Дмитриевна мне пишет недавно, что мамаша ей писала, будто она ни одного письма от меня еще не получила. Я мамаше больше всех писал, **поминутно** писал. Как же она ничего не получила, тогда как к другим все мои письма дошли?» (28, II; 49). Но так ли уж «поминутно» — коли в разгаре драматичнейший момент в отношениях с Сусловой!

Осенью 1863 года Достоевский возвращается в Россию и 10 ноября уже из Владимира пишет Варваре Дмитриевне странное письмо:

«...по некоторым крайним обстоятельствам, о которых рассказывать долго, мы, то есть я и Марья Дмитриевна, решились переехать совсем в Москву. Во Владимире во всяком случае нет почти никакой возможности оставаться. Переезд совершается на-днях, то есть как можно скорее. Вполне будущности моей теперь не знаю и определить не могу. Здоровье Марьи Дмитриевны очень нехорошо... Конечно, в таком состоянии переезжать всем домом в Москву не совсем удобно. Но что ж делать? Другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя» (28, II; 54—55).

Немногим позже, 10 января 1864 года Достоевский пишет Варваре Дмитриевне уже из Москвы:

«...Впрочем, Марья Дмитриевна от болезни стала раздражительна до последней степени. Ей *несравненно* хуже, чем было в ноябре (когда М. Д. привозят в Москву из Владимира. — авт.), так что я *серьезно* опасаясь за весну. Жаль ее мне ужасно, и вообще, жизнь моя здесь не красна. Но, кажется, я необходим для нее и потому остаюсь» (28, II; 62). Но — почему такие сомнения: «кажется, необходим», — не сквозит ли некая неопределенность в отношениях? Сомнение: а необходим ли? Точно также, как в вышеприведенном письме к Тургеневу как бы нарочито подчеркнуто то, что болезнь М. Д. подразумевала как само собой вытекающее из ее состояния: я, мол, лично сопровождал...

Загадочное «увы». И как тут не обратиться к загадочному «Eheu» (по латыни «увы!»), которое долго в записях Ф. М. Достоевского считалось словом нерасшифрованным (см. «Материалы и исследования», т. 5, с. 224) и которым он предворял фиксацию какого-либо горестного события. Это «увы!» сопровождает в период в 1855—57 гг. многие пометки, связанные с его «грозовой» перепиской с М. Д. Исаевой. Почти все относятся к «Сибирской тетради». Но вот в 1860 году тетрадь закончена и оставлена. А 24 июля 1863 г. Достоевский роковое «Eheu» вносит именно в нее. Этот день, очевидно, печально знаменателен для его отношений с Исаевой — он получает уверенность, что загаданное путешествие с А. П. Сусловой, ожидавшей его в Париже, состоится.

И понимает, что это решающая веха в его эмоциональной жизни и что давно померкшее «грозное чувство» изжило себя. Глава «Исаева» в его судьбе дописана. Добавим, — это же «Еще» появится 16 апреля 1864 г. перед записью «Маша лежит на столе...» (после кончины М. Д.), завершающей записную тетрадь 1863—1864 гг.

Вернемся к 1860 году. Достоевские пребывают в Петербурге, но Ф. М. нередко наезжает в Москву, куда переведена довольно известная актриса А. И. Шуберт, в полуразводе с супругом, давнишним и добрым другом Достоевского, еще по Семипалатинску, врачом С. Д. Яновским. Достоевского с А. И. Шуберт связывает «влюбленная дружба». Он деятельно участвует в «улаживании» семейного конфликта супругов, но — сопоставим выдержки из двух писем: «Ведь Вы мой благодетель, — писал Достоевский Яновскому 4 февраля 1872 г., — Вы любили меня и возились со мною, больным *душевною болезнью* (ведь я теперь сознаю это), до моей поездки в Сибирь» (29, I; 229), и — «Я думаю, жить с Яновским скука... ведь это все равно, что если бы кого-нибудь осудили всю жизнь не есть ничего, кроме клубничного варенья...» (18; 343; ср.: 9; 475) из письма А. Н. Плещеева от 23 марта 1860 г. к Достоевскому, вполне, очевидно, разделявшему это мнение. Что же пишет Ф. М. Достоевский самой Александре Ивановне Шуберт? Вот выдержка из одного, адресованного ей, письма из Петербурга в Москву 12 июня 1860 г. «...Увижу ли я Вас, моя дорогая? В июле я буду наверное в Москве. Но удастся ли нам с Вами поговорить по сердцу? Как я счастлив, что Вы так благородно и нежно ко мне доверчивы; вот так друг! Я откровенно Вам говорю: я Вас люблю очень и горячо, до того, что сам Вам сказал, что не влюблен в Вас, потому что дорожил Вашим правильным мнением обо мне и, Боже мой, как горевал, когда мне показалось, что Вы лишили меня Вашей доверенности; винил себя. Вот мука-то была. Но Вашим письмом Вы все рассеяли, добрая моя бесконечно. Дай Вам Бог всякого счастья! Я так рад, что уверен в себе, что не влюблен в Вас! Это дает мне возможность быть еще преданнее Вам, не опасаясь за свое сердце. Я буду знать, что я предан бескорыстно.

Прощайте, голубчик мой, с благоговением и верою целую Вашу миленькую шаловливую ручку и жму ее от всего сердца. Весь Ваш Ф. Достоевский» (28, II; 11—15).

Примечательное «Еще» Ф. М. Достоевский вполне мог внести в свои записи уже в эту пору. Ведь в сентябре М. Д. отправлена в Москву, разлучена с Достоевским. Не из-за романа с А. И. Шуберт, конечно. Романа не было — была готовность к новым романтическим всплескам, вытеснившая понемногу отблески былого кузнецкого праздника. И в самом деле, именно в «Сибирскую тетрадь»

внес Достоевский такую запись: «Еще. Отъезд М<аши> 6 сентябр<я> 860». Очевидно, вполне отдавая себе отчет, что — не просто «отъезд», а завершение всего кузнецкого витка.

Так не странная ли цепочка? В июне 1863 г. М. Д. — во Владимире, Достоевский — чуть позже за границей с А. П. Сусловой. В августе Вергунов начинает хлопоты о чине. Переписка? Побывка у М. Д. во Владимире? Оправдана ли догадка? И что за история со 100 рублями, которые М. Д. по своей щедрости могла истратить? И — почему в сентябре возникла столь странная заминка с письмом М. Д. к Достоевскому, что он взволновался — от всех письма до него доходят, а от нее — нет, а он ей пишет «поминутно», но она жалуется, что писем от него не получает? Не оказалось ли, что в июле 1863 г. Вергунов во Владимире побывал? Возможно, М. Д., по оценке самого Достоевского, чрезвычайно правдивая, ему о том сказала. А, может, по Владимиру пошли слухи... И отсюда «другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя»... Хотя М. Д. так худо.

Прошение Вергунова о чине, как мы узнали, уже 19 сентября отклонено, причем без добра. При чтении этого «Дела» возникло впечатление, — не тянется ли за учителем и в Томске некий «шлейф»; история его любви к Исаевой в Кузнецке и венчание ее с Достоевским, положение проигравшего соперника — все это симпатии к Вергунову, видно, не вызывало. Но то были предположения...

Поспешная рокировка. Однако вдруг в Томском архиве попалось прелюбопытнейшее подтверждение и роковой любви Вергунова к Исаевой и, возможно, «шлейфа», который сопутствовал ему в последующей его службе. Вернемся на шесть лет назад.

Итак, 17 февраля 1857 года вышедший в отставку тремя годами раньше, после двадцати пяти лет службы в Кузнецком уездном училище, коллежский ассессор, учитель истории и географии А. Калмаков обращается «к его Высокородию Господину Директору Ф. С. Мещерину» с прошением, в котором напоминает, что при посещении Кузнецкого училища его Высокородие обещало ему, Калмакову, иметь его в виду при первой же открывшейся вакансии в приходском училище. И вот:

«... В Семипалатинске открылась вакансия на должность приходского учителя, должность эту я мог занять с честью», однако — «по семейным обстоятельствам меня льстит большое жалованье, но переездка в Семипалатинск для меня невозможна; там, как говорят, народу кишмя кишит, климат нездоров, ужасная скудость и необыкновенная дороговизна на жизненные припасы, и оставляя в Кузнецке дом и домообзаводство, я могу понести чувствитель-

ные убытки — разорение, а потому определиться в Семипалатинск совершенно не могу.

Прошу Вас, Благодетель мой! оказать мне в последний раз в жизни моей Ваше Покровительство, Вашу Милость, поместить меня на должность приходского учителя в Кузнецк, а г. Вергунова, **который ныне ведет себя сурьезно-благородно**, переместить в Семипалатинск. **Г. Вергунову, как говорится, сесть да ехать, я буду и малым вполне доволен — буду дома»**²⁸...

Очевидно, перевод Вергунова состоялся невдолге, ибо 11 июня 1857 года в своем прошении о назначении Калмаков пишет:

«... В настоящее время я с новыми силами желаю посвятить себя службе по учебной части. А потому всепокорнейше прошу Ваше Высочородие определить меня на вакантное место приходского учителя в городе Кузнецке»²⁹... (Уточним: «акция» прошла на диво быстро — так, в одном из именных списков чиновников дирекции училищ Томской губернии записано, что с 15 июня Вергунов уже числится учителем приходского училища в Семипалатинске³⁰).

Итак — **вакантное** место в Кузнецке после упоминания, что Вергунов, де, мог бы уехать в Семипалатинск хоть сейчас, и тогда он, Калмаков, «остался бы дома». Мало важно, что он вел историю и географию, а Вергунов — русский язык, очевидно, учителя могли преподавание предметов и совмещать.

Важно иное: венчанье Достоевского состоялось 6 февраля 1857 года. Всего через 11 дней, то есть 17 февраля Калмаков обращается в Томск с названным письмом. В котором есть двусмысленные места. О том, что господину Вергунову только «сесть да ехать». Что может касаться его несемейного положения и необремененности имуществом, но — и того, что он, Вергунов, **в полной готовности** тут же «сесть да ехать» в Семипалатинск. Вести из Кузнецка в Томск доходят быстро и в Томске о бурном романе Вергунова, наверное, уже давно известно. И, конечно же, Кузнецкое общество, а следовательно, и Томское тоже, такую «настырность» Вергунова, поклонника уже замужней дамы, не одобряет. Ведь, похоже, он, ничуть не таясь, потеряв голову, помчится вслед за только что обвенчанной с Достоевским Марней Дмитриевной. Не похоже ли на страшилку из романа очень «по-Достоевскому»? Ну, скажем, не возникает ли мостик к роману «Идиот»?

Как это «сладилось»? Предположим, что потеряв Исаеву, Вергунов утрачивает всякую осторожность. Ему надо было подле нее — и это главное.

А притом живет в Кузнецке отставной учитель Калмаков, который, как слышно, не прочь вернуться к работе. Быстрее, к нему! Пусть от себя предложит такую рокировку — благо он, Калмаков,

похоже, довольно близок с Томским Высокородием, как видно из письма, ведь обращается к нему по имени-отчеству «Ваше Высокородие Федор Семенович!». Да и письмо — скорее, частное послание, чем официальная просьба.

Возможен другой сценарий. В Кузнецке все понаслышаны о романе Вергунова. Стало быть, каждому ясно, и Калмакову в том числе, что не может Вергунов не ехать в Семипалатинск, вслед за Исаевой. И тогда — Калмакову, человеку вполне порядочному и, может, даже сочувственному³¹, только чуть подтолкнуть события, напомнив о себе знакомому Федору Семеновичу и заверить в готовности Вергунова к отъезду. С намеком — теперь, де, ведет себя «сурьезно-благородно» и, стало быть, поскольку Исаева замужем, теперь уж ничего такого...

Так или иначе, как мы и предполагали, выходит, отъезд из Кузнецка в Семипалатинск был не без сопутствующего «флера». Который и наложил отпечаток на упомянутое «Дело», в результате чего Вергунов, хоть в Нарым и не «сослан», — однако 19 сентября 1864 года все кончено: он уволен из Семипалатинского училища, а вместо него назначен чертежник при Мариинском окружном землемере, Алексей Еремеев.

Здесь следы «Дела» обрывались. Но вот продолжение. Из вновь найденных материалов следует, что Вергунов, ощутив течение своего «Дела», приглядывался к Барнаулу (не оттого ли, что в их с Исаевой разговорах Барнаул казался, по сравнению с Кузнецком, некой Шамбалой?) и к осени 1864 года в самом деле уже оказался в Барнауле.

Видимая победа. Как герой всякого романа, — а коллизия Достоевский—Исаева—Вергунов чем не увлекательный роман? — Вергунов про прощество 130 лет снискал как благосклонное, так и недоброжелательное к себе отношение. Некоторые считают, что переезды Вергунова (Кузнецк—Семипалатинск—Барнаул—Семипалатинск) — следствие его неуживчивого и беспорядочного характера, не пытаюсь вникнуть, хотя бы в порядке догадки, в сущность его чувства и отношений с М. Д. Иные даже утверждают, что Вергунов был чуть не малограмотным неудачником...

Но вот еще документы:

Директор училищ Томской губернии обращается к Его Высокопревосходительству господину генерал-губернатору Западной Сибири 14 мая 1869 года и сообщает: «...Домашний учитель Русского языка коллежский регистратор Николай Вергунов, проживающий в г. Барнауле, обратился ко мне с докладной запиской об определении его учителем Русского языка в одно из уездных училищ Томской Дирекции.

Учителя Русского языка в настоящее время нет в Семипалатинском уездном училище и исправляет эту должность временно учитель тамошнего Приходского училища Еремеев (тот самый чертежник, назначенный в 1864 году вместо Вергунова, вследствие явной к нему «нелюбви» тогдашнего томского начальства. — авт.). Хотя г. Вергунов и не кончил курса в среднем учебном заведении, но в 1862 году выдержал специальное испытание на звание домашнего учителя русского языка, по полной программе гимназического курса, и с того времени, как видно из представленных им, Вергуновым, ежегодных отчетов, он постоянно преподавал русский язык в частных домах и в бывшем пансионе госпож Шнейдер, а, следовательно, приобрел педагогическую опытность в этом деле; почему я полагал бы определить г. Вергунова учителем Русского языка в Семипалатинское уездное училище...»³².

Обращение кончается представлением формулярного списка Вергунова и особым ходатайством о назначении его на названную должность. А далее — дела канцелярские. 12 июня 1869 года генерал-губернатор А. Хрущов обращается к Томскому губернатору — определить Вергунову «подорожную по казенной надобности и прогонные деньги по числу верст от г. Барнаула до г. Семипалатинска»³³.

3. ЭПИЛОГ «КУЗНЕЦКОЙ ДРАМЫ».

Диалог о личности Н. Б. Вергунова. С годами как-то исподволь в оценку личности Вергунова внедрилось убеждение, возможно, основанное на прижизненном к нему отношении Достоевского и на отражении этой неприязни к бывшему сопернику в последующем творчестве: что, де, Вергунов — человек бесцветный, склочный, даже малограмотный, а, главное, грубый и неуживчивый.

Один весьма уважаемый нами исследователь, справедливо приведя формулярные данные Вергунова — уроженец Томска, из купцов, родился в 1832 г., закончил четыре класса гимназии и приехал в 1854 году в Кузнецк, — далее определяет ему такую характеристику: «очевидно, Вергунов был человеком вспыльчивым, неуживчивым и беспорядочным»³⁴. Позволим себе усомниться в правоте такой оценки.

Начнем с того, что на место, которое в 1854 году занял Вергунов Кузнецке, претендовали по крайней мере еще двое соискателей: младший брат учителя искусств уездного училища Серафима Попова и некий Евграф Максимов, «томской гимназии казенный воспитанник». Однако штатный смотритель уездного училища Н. И. Ананьин, истинный подвижник в своем деле и на своем месте, отказывает своим претендентам. Какого же кандидата искал

Ананьин? 1 июня 1853 г. он пишет директору училищ Томской губернии: «На должность приходского учителя здесь, когда оно откроется, а подыщу с исподволь способного и достойного человека и не бездарного, на что и осмеливаюсь испрашивать и надеяться Вашего соизволения»³⁵. Стало быть, Ананьин пристально приглядывается к каждому потенциальному будущему учителю приходской школы и, выбрав Вергунова, поручил именно ему произнести речь на Торжественном Акте открытия школы. Мы нашли в архивных папках текст этой речи, которая сегодня, возможно, покажется и выпендренной, и наивной (но — не забудем, что в эту пору Вергунову всего двадцать два года!). Итак:

«Милостивые Государи!

Науки, говорит Карамзин, составляют собственность немногочисленного класса людей, а Словесность бывает достоянием всякого, кто имеет душу и ум... Здесь рождается вопрос, что такое ум... Говорят, что это есть душа... которая постепенно растет и созревает с помощью нашего труда и прилежания... но для развития ума в особенности требуется многое, именно: собственный труд, прилежание и хороший руководитель, который бы мог подать юному уму правильный ход, как главное основание...»³⁶.

Мы приводим здесь этот отрывок, не столь для оценки стиля мышления и изложения юного Николая Вергунова, сколь для того, чтобы подчеркнуть, что это — стиль времени, и, очевидно, высокоценимый, если тремя годами позже учитель русского языка, исполняющий должность штатного смотрителя Федор Алексеевич Булгаков, человек весьма просвещенный для своего времени и местопребывания, в благодарственной речи почти слово в слово заимствует некоторые мысли и даже обороты из упомянутой речи Вергунова, как, например, рассуждения о таланте, данном не каждому в одинаковой мере, с использованием библейского текста: «овому пять талантов, овому два, овому один»³⁷.

Как следует из других документов, Вергунов был человеком, хорошо начавшим свою карьеру — в том же 1854 году Н. И. Ананьин ходатайствует о его награждении за усердие³⁸. Он был также человеком достаточно широких интересов, судя по документу 1857 года, когда, пребывая уже в Семипалатинске, оказывается, составлял «донесение о числе жителей Семипалатинска в 1857 году»³⁹, о чем поминает штатный смотритель кузнецких училищ П. Страшинин в письме от 10 февраля 1858 года в Канцелярию дирекции училищ Томской губернии, препровождая туда и названное донесение Вергунова.

Очевидно, Н. Б. Вергунов и в дальнейшем не был чужд либо литературных занятий, либо научных или общественных изыска-

ний. Во всяком случае, 14 апреля 1858 года он пишет директору училищ Томской губернии:

«Имею честь представить Вашему Высочородию статью мою, которую, если Вы найдете дельною, то покорнейше Вас прошу не лишить отпечатания в «Томских губернских ведомостях». Я потому в настоящее время так смело обращаюсь к Вам, что вспомнил готовность Вашего Высочородия, высказанную мне в Кузнецке, в случае представления к Вам статей моих, не оставить меня наставлением в отношении их. В настоящее время я был бы так счастлив, если бы Вы не отказали мне в этом и взглянули бы на труд мой не как на пустословие, но на труд более или менее серьезный и полезный. При отношении своем редакции от 7 апреля за № 23 я имел честь представить ей статью под тем же самым названием, под каким и прилагаемая к Вам, но, быть может, она до сего времени не представлена на суд Вам, то не лишите меня и в этом Вашего участия, истребовав ее для рассмотрения с настоящей. Учитель Н. Вергунов»⁴⁰.

О том, что Вергунов был весьма любознателен и охоч к самообразованию, мы судим даже по его «ошибкам». Так, по докладной записке штатного смотрителя кузнецкого уездного училища П. Страшинина от 23 февраля 1862 г. мы узнаем, что на вышедшем в Семипалатинск в 1857 г. Вергуновым «повисли» следующие книги: под № 39 «Французско-немецкие русские разговоры», под № 41 «Начальные правила французского языка» Зейденштикера и под № 42 такая же книжка Жюльона⁴². Что французский язык особо привлекал Вергунова, мы догадываемся. Ведь это, можно сказать, родной язык М. Д. Исаевой, и Вергунову хочется сделать их общение возможно более доверительным и интимным.

О педагогических же новациях Вергунова можно судить по программе преподавания русского языка, составленной им на 1869/70 гг. для первых трех классов семипалатинского уездного училища, равно и для женского⁴³. Очевидно, существовала и общепринятая программа; он же предпочитает свою, оригинальную «авторскую».

Нам кажется, что Вергунов жил как бы на особом подъеме именно в бытность Достоевских в Семипалатинске. Производит впечатление и полная достоинства форма обращения его по высшим инстанциям, без обычных для той поры словесных фиоритур. Впрочем, похоже, что до скандала с Делаткевичем, как и впоследствии, уже в Барнауле, и вновь в Семипалатинске, Вергунов на хорошем счету, о чем свидетельствуют документы. В списках приходских учителей, подведомственных Дирекции училищ Томской губернии, подписанных Директором М. Поповым, за январь и декабрь 1861 г. отмечается, что Н. Б. Вергунов, получающий 250 руб-

лей серебром в год, «преподает удовлетворительно и поведения хорошего...»⁴⁴ и — «способностей хороших и к службе начинает быть усерднее, поведения хорошего»⁴⁵. Но вот в декабре 1862 г. смотрителем семипалатинского уездного училища назначен уже неизвестный нам Делаткевич и в тех же списках за той же подписью 14 января 1863 года читаем: «...При хороших педагогических способностях занимается **не довольно усердно**»⁴⁶. И — 16 января 1864 г., в разгар конфликта, о котором шла речь выше: «...При хороших педагогических способностях он не совсем усерден к службе и недостаточно понимает свои отношения к смотрителю»⁴⁷.

Но вот Вергунов вновь возвращается в Семипалатинск — уже из Барнаула. Делаткевич к Семипалатинскому училищу отношения более не имеет. И что же? Из тех же сведений за 1869 г., но уже подписанных новым директором Ивановым, мы узнаем, что в Семипалатинском уездном училище «место учителя русского языка около года оставалось вакантным. Вновь определенному учителю из домашних учителей, мало привычному к классному преподаванию, нелегко вести дело с отсталыми учениками до тех пор, пока он не вдвинет их в должный уровень; а что он достигнет этого к концу учебного года, в этом я почти не сомневаюсь...»⁴⁸. Это — тоже о Вергунове.

Однако разве не наиболее убедительной для нас аттестацией Вергунова является выдержка из письма Достоевского Врангелю от 21 декабря 1856 г., где сказано, что «о Вергунове не грешно просить. Он того стоит» (28, I; 254), в связи с необходимой ему протекцией о получении чина и повышении жалованья.

15 мая 1870 г. штатный смотритель семипалатинских училищ Галицкий направляет директору училищ Томской губернии представление о Вергунове с ходатайством о награждении его чином губернского секретаря. Представление днем раньше предварил формуляр, из коего следует, что ранее Вергунов никогда «в штрафах, под судом или следствием не был»⁴⁹. И тогда возникает вопрос: где же та предполагаемая нами «тайная папка», в которой — вина Вергунова, известная только Делаткевичу и его покровителю Попову, в результате коей последовал домашний арест?

Лучшие семейства Барнаула. Из упомянутого только что формуляра мы узнаем также, что уже в самом начале своей деятельности в Кузнецке 11 ноября 1855 г. Вергунову была объявлена благодарность томским гражданским губернатором «за преподавание в продолжение года... арифметики и геометрии **сверх своих обязанностей**»⁵⁰. Что касается трудолюбия — то, похоже, Вергунов вообще работал не только «сверх обязанностей», но и на пределе возможностей. Так, оказавшись в Барнауле, он отнюдь не сразу

попадает в пансион девиц Шнейдер, как мы узнаем из упомянутой работы Н. И. Левченко⁵¹. Документально доказано, что Вергунов попал в Барнаул в сентябре-октябре 1864 г.⁵² (вопреки утверждениям, что это произошло в январе 1864 г.). А женский пансион Амалии и Софии Шнейдер, судя по их обращению к главному инспектору училищ Западной Сибири, разрешено было открыть лишь после 4 декабря 1866 года. И то не сразу. Ибо девицы Шнейдер уведомляют директора училищ Томской губернии 14 марта 1867 г. «об открытии нашего пансиона для девиц в городе Барнауле 10 февраля 1867 года»⁵³.

Открытие пансиона Вергунова не обрадовало. Очевидно, он не предполагал, что впоследствии станет в нем работать. Пока же — читаем «докладную записку домашнего учителя русского языка Николая Вергунова Его Превосходительству Господину исправляющему должность главного инспектора Западной Сибири»:

«По случаю открытия в городе Барнауле, в феврале месяце настоящего года частного пансиона, я поставлен в самое безвыходное положение в отношении моего существования, ограничиваясь только одним домом, плата с которого так ничтожна, что не может удовлетворить самых необходимых потребностей не только жизни человека семейного, но и одинокого.

Не имея никакой возможности выехать, для продолжения занятий моих, в какой-либо другой город, где бы я, по крайней мере, мог найти себе безбедное содержание, — орбашаюсь к особе Вашего Превосходительства с моей покорнейшей просьбой: не откажите дать мне место, если имеются вакансии, — должность учителя уездного училища или же — надзирателя при которой-нибудь из веренных управлению Вашему гимназий.

Домашний учитель Русского языка Николай Вергунов.

Город Барнаул. Марта 19 дня 1867 года»⁵⁴.

На письме карандашом поставлена резолюция: «Чтобы иметь право на должность уездного учителя, нужно выдержать... экзамен по правилам, указанным в законе: по этому экзамену требуется более, чем на звание домашнего учителя. Сослаться на пункты правил, указанных в III томе приложений к ст. 353»⁵⁵.

По указанной резолюции 29 марта 1867 года за № 201 в Барнаульскую городскую Полицию следует документ за подписью исправляющего должность главного инспектора училищ:

«Имею честь покорнейше просить Барнаульскую Городскую Полицию объявить проживающему в этом городе домашнему учителю русского языка Николаю Вергунову, что предварительно ходатайства об определении его на должность учителя уездного училища, проситель обязан выдержать в Педагогическом Совете гимназии

установленное испытание на звание учителя уездного училища... и за сим обратиться к г. Директору училищ Томской губернии с просьбою об определении его на имеющуюся вакансию учителя уездного училища»⁵⁶.

Как мы уже знаем, Вергунову названный экзамен держать не пришлось — его педагогические знания и опыт были признаны вполне достаточными, вследствие чего он и был, по ходатайству «свыше» переведен в Семипалатинское уездное училище в 1869 году.

Пансион девиц Шнейдер просуществовал недолго. Уже 16 января 1869 года содержательница его, София Шнейдер, обращается к и.о. директора училищ Томской губернии Стукальскому: «считаю долгом уведомить Вас, что сего 1 февраля я закрываю по недостатку средств частный женский пансион в г. Барнауле и поэтому покорнейше прошу Вас немедленно выслать мне в Барнаул два свидетельства: университетское на имя домашней учительницы Софии Шнейдер и другое, выданное Николаевским сиротским институтом кандидатке первого разряда девице Марии Шнейдер, которая по закрытии заведения уезжает из Сибири»⁵⁷.

Итак, девицы Шнейдер свой пансион закрыли. А как же Вергунов? А Вергунов еще с 11 марта 1867 г. числится в штате детской школы для девочек и мальчиков с окладом 240 рублей в год⁵⁸. К слову — в этой школе, открытой в 1860 году, на 1 января 1868 г. учится 17 мальчиков и 32 девочки. А до 1867 года? Ведь Вергунов приехал в Барнаул осенью 1864-го? И вот прелюбопытный документ: «Ведомость об успехах учениц домашнего учителя русского языка Н. Б. Вергунова за академический 1865/66 гг.»⁵⁹. Из него мы узнаем, что первый дом, где домашний учитель Вергунов, выбывший из Семипалатинска после столь унижительного его «изжития», был принят и обласкан, это дом подполковника Филева, знакомого нам по документам 1856-57 гг., когда Кузнецкую крепость решено было передать из Военного в Гражданское ведомство, в связи с чем Филев составляет подробную опись ее строениям и имуществу⁶⁰. С 20 ноября 1864 г. Вергунов обучает трех дочерей Филева — Марию, Екатерину и Юлию. А с 7 августа 1865 г. — дочь Стефана Иоанновича Гуляева Надежду.

В фонде С. И. Гуляева Барнаульского архива найдена фотография, где двое неизвестных — на фоне Кузнецкой крепости, а точнее — именно Надвратной церкви⁶¹. Мы знаем, что Надвратная церковь надстроена в начале 70-х годов прошлого века⁶². А в начале 80-х годов иерей Тюменцев, некогда венчавший в Кузнецке Достоевского с М. Д. Исаевой, писал Гуляеву о его племяннике Александре, проживающем в Кузнецке⁶³. Итак — общая цепочка: Кузнецк, объединяющий Филева, Гуляева, Вергунова и... Достоев-

ского. Ибо у Достоевского мы находим в «Сибирской тетради» поговорку «Он вина не пьет, с воды пьян живет», строка из плясовой песни семейного цикла с пометкой в примечаниях: «Вариант, записанный С. И. Гуляевым в Сибири» (4; 317). В работе Н. И. Левченко находим любопытные сведения о статском советнике Гуляеве, которому часто доводилось бывать в Петербурге. Среди адресатов в реестре писем, посланных им — М. М. Достоевский, А. Н. Майков, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Г. Н. Потанин, Е. Тюменцев; С. И. Гуляев переписывался с М. М. Достоевским не только как с владельцем табачной фабрики, но и как с редактором журнала «Время», поскольку два его сына, Николай и Александр — корреспонденты столичных журналов, а Николай еще и печатается в журнале «Время». Похоже, что знакомство Гуляева с М. М. Достоевским было близкое, семейное: 1 марта из Петербурга Гуляев сообщает супруге о смерти дочери М. М. Достоевского и сожалеет, что не смог посетить его⁶⁴.

Итак — мог ли Вергунов, прибыв в Барнаул, обратиться к Гуляеву, пользуясь какими-либо кузнецкими связями, а уже через него получить доступ в лучшие дома города? (Ведь с 7 августа 1865 года он обучает не только Надежду, дочь Гуляева, но и Ольгу Белоярскую, дочь священнослужителя, а с 10 августа того же года Ольгу Судовскую, дочь дворянина, очевидно, тоже лица значительного⁶⁵). Наверное, мог. Но не по связям ли Гуляева с семейством Достоевских? Не могло ли оказаться, что при предполагаемом нами бытовании Вергунова во Владимире, или при прощальном посещении Исаевой перед ее кончиной, он все же с Достоевским встретился и рассказал о своих служебных неприятностях в Семипалатинске и о видах на переезд в Барнаул. И по «братству людей» — ведь не мог же Достоевский перестать быть Достоевским! — получил напутствие, записку, совет обратиться к Гуляеву? Но это всего лишь предположение.

Давние хлопоты. Итак, бытовало, а, пожалуй, и бытует еще мнение, что Вергунов — человек беспорядочный и неуравновешенный. Что ж — если послушать Делаткевича, то, в самом деле, какой же это порядок, если он в полдень, придя в училище, встречает Вергунова на пороге в охотничьем платье, готового идти отнюдь не на занятия. Но — существует документ, выписка из отчета об учебных заведениях томской дирекции училищ за 1859 год: «Семипалатинское приходское училище помещается в доме, выстроенном от общества. Дом этот удобен, прочен, поместителен и имеет квартиру для учителя...»⁶⁶. Чуть позднее в доме уже имелось три квартиры для трех человек⁶⁷. Стало быть, Делаткевич встретил Вергунова на пороге его, Вергуновского, дома, где тот мог показаться в любом платье.

Но — мог, мог Вергунов быть и «беспорядочным». В рапорте штатного смотрителя кузнецких училищ П. Страшнина директору училищ Томской губернии от 4 марта 1857 г. читаем: «...учителем приходского училища Вергуновым пропущено восемь уроков по случаю поездки его в город Томск»⁶⁸. Но ведь 6 февраля 1857 г. состоялось венчание Достоевского с Исаевой, 17 февраля начнутся срочные хлопоты по переводу Вергунова в Семипалатинск — скорее, вслед за Марией Дмитриевной, вот единственная доминанта Вергунова в ту пору. Так разве не естественно в этой неестественной ситуации, что Вергунов стремится в Томск, не взирая ни на какие препоны, чтобы вопрос о переводе решить на месте?

Интересная деталь: очевидно, Вергунов уверен, что в Томске у Его Превосходительства Федора Семеновича Мещерина найдет поддержку. Разве ж не к тому ли самому Мещерину обращается А. Калмаков (и не по совету ли Вергунова?) — в феврале, незадолго до мартовской отлучки Вергунова в Томск, с предложением рокировки, о которой рассказано выше, в результате чего очень недолго Вергунов переведен из Кузнецка в Семипалатинск. Позволим себе дерзкое предположение: не мог ли, пропустив восемь уроков, сам Вергунов отвезти письмо Калмакова в Томск, чтобы ускорить ход событий?

Но почему же так уверен Вергунов в том, что в Томске найдет поддержку? Обратимся к одному из писем Достоевского к А. Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г., о котором уже упоминали: «...Но прежде чем прощусь с Вами в этом письме — еще просьба: об ней прошу Вас на коленях. Помните, я Вам писал летом про Вергунова. Я просил Вас походатайствовать за него у Гасфорта. Теперь он мне дороже брата родного. Слишком долго рассказывать мои отношения к нему. Но вот в чем дело. Ему последняя надежда устроить судьбу свою — это держать экзамен в Томске, чтоб получить право на чин и место в 1000 руб. ассигнациями жалованья. Все дадут, если он выдержит экзамен. Но без протекции ничего не будет. Все зависит от Директора гимназий Томской статского советника Федора Семеновича Мещерина — если б кто-нибудь из лиц влиятельных написал о Вергунове Мещерину, уведомляя, что когда он будет держать экзамен, то *обратить на него внимание*, то конечно Мещерин все сделает... И потому прошу Вас, если у Вас есть кто-нибудь из родных или знакомых по Министерству просвещения, имеющих важную должность, то нельзя ли написать Мещерину письмо о Вергунове...» (28, I; 254).

Здесь важно не только то, что еще раз подчеркивается провозглашаемое Достоевским «братство людей», несмотря ни на какие разделяющие обстоятельства, но и то, что с подачи последнего

Врангелем могли быть пущены «механизмы высшего порядка». Чем закончились хлопоты у Мещерина, мы не знаем (а что Врангель «хлопотал», — зная его почти подобострастное отношение к Достоевскому и его просьбам, — нет оснований сомневаться), но имя Вергунова у Мещерина уже осталось на слуху, и, очевидно, Вергунов об этом знает. Отсюда — не взирая на пропущенные уроки, в Томск, в Томск...

«Беспорядочность» Вергунова, во всяком случае, Гуляева не смущала. В его фонде, в Барнаульском краевом архиве в парке с фотодокументами имеется реестр хранившихся в ней фотографий. Все обозначенные в реестре фотодокументы имеются в наличии, исчез лишь один: некая фотография, помеченная в реестре фамилией «Вергунова»⁶⁹. Кто же она?

Тут самое время сказать, что роковой год 1864-й переломил судьбу Вергунова решительно. Появившись в Барнауле в сентябре-октябре 1864 г., он, по расчетам, тотчас обзаводится семьей. Очевидно, после смерти Марии Дмитриевны, посчитав себя свободным и решившись начать жизнь как бы с чистого листа. 29 июня 1865 г. у него родилась дочь Елена, о чем он сообщает из Барнаула директору училищ Томской губернии в сентябре того же года: «Представляя Вашему Высокородию свидетельство о рождении и крещении дочери моей Елены, имею честь просить Вас сделать распоряжение о внесении ее в формулярный список о службе моей. Домашний учитель русского языка Н. Вергунов»⁷⁰.

17 января 1866 г. Вергунов напоминает: «Представленное мною при донесении Вашему Высокородию от 5 сентября 1865 г. церковное свидетельство о рождении и крещении дочери моей Елены, для внесения ее в формулярный список, покорнейше прошу возвратить, так как этот документ будет мне необходим при ходатайстве в Духовной Консистерии на имя ее метрического свидетельства. Домашний учитель русского языка Николай Вергунов»⁷¹.

Так не могло ли быть, что Вергунов породнился именно с С. И. Гуляевым, женившись на какой-либо его родственнице? Что, конечно же, открывает ему путь в лучшие дома города.

Контуры возвращения. Так или иначе, а «беспорядочность» Вергунова в Барнауле никого не отпугивала. Более того, добавим, что в эти годы по всей Томской дирекции училищ числилось всего два домашних учителя: один в Томске, а другой — в Барнауле, то есть Вергунов⁷².

Итак, из письма домашнего учителя Н. Б. Вергунова из Барнаула директору училищ Томской губернии, 30 октября 1866 г.: «Имею честь представить Вашему Высокоблагородию отчет и при нем два одобрительных свидетельства, одно от родителей, у кото-

рых я занимаюсь, а другое — от заменяющего здесь предводителя дворянства, окружного судьи в городе Барнауле господина Лучшева»⁷³.

И — из письма директора училищ Томской губернии домашнему учителю Н. Б. Вергунову от 11 ноября 1866 года (неподписанный черновик № 965): «Возвращая к Вам одобрительные свидетельства Барнаульского окружного судьи и таковые же, выданные Вам от лиц, у которых Вы обучаете детей, покорнейше прошу на первом приложить печать окружного судьи, а второе засвидетельствовать в полиции, в том, что оно выдано Вам означенными в оном лицами, также с приложением печати полиции и возвратить ко мне в самое непродолжительное время. Независимо сего, покорнейше прошу Вас, милостивый Государь, вместе с этими свидетельствами представить ко мне свидетельство, выданное Вам на звание домашнего учителя»⁷⁴.

Очевидно, речь идет о повышении Вергунова в чине, по выслуге лет и по заслугам, о чем сказано выше (впрочем, как известно, хлопоты о чине начались, по сути, десятью годами ранее, когда Ф. М. Достоевский просил А. Е. Врангеля похлопотать о Вергунове у Ф. С. Мещерина).

Думается, именно близость к дому Гуляевых отверзла перед «униженным и оскорбленным» Вергуновым сердца и дома лучших семей Барнаула. Теперь он может в Семипалатинск и вернуться. Победителем. И таковым и возвращается, — во всяком случае, по видимости, — снабженный отличными характеристиками и по ходатайству «свыше», в сопровождении семейства — супруги Екатерины Александровны и дочери Елены⁷⁵. Что заставило его вернуться в Семипалатинск? Возможно, попытки улучшить материальное положение — ведь он о том пекся в 1867 году. Оказалось ли возвращение «победой»? Сведения накапливаются не быстро, но источники не иссякают.

В октябре 1870 г. Вергунов в Семипалатинске скончался, проработав всего около года⁷⁶. Невольно мы задались вопросом, в какой же «климат» вернулся он после Барнаула? И вот документ — отчет по ревизии училищ от сентября-октября 1872 г. Со смерти Вергунова прошло всего два года. Достаточно небольшой срок, мало что меняющий в устоявшейся структуре отношений уездного училища. Директор училищ Томской губернии в названном отчете отмечает в частности:

«Штатный смотритель Галицкий — особенно за последнее время настолько обленился, настолько втянулся в свою фальшивую деятельность, что не дает себе труда более тщательно прикрывать эту фальшь, которая на каждом шагу просвечивает... учитель русского языка Субботин приобрел уважение недружелюбно...

что он не согласился поддержать патриархального обычая брать благодарности за экзамены на чин...»⁷⁷.

Но из того же отчета мы узнаем, что «учитель русского языка Субботин в марте прошлого 1871 г. переведен в Семипалатинск на место умершего в октябре 1870 г. учителя Вергунова»⁷⁸. И тогда мы вправе предположить, что такая уж была у Вергунова планка, причем именно на Семипалатинском небосклоне: работать под началом не тех штатных смотрителей (вспомним Делаткевича!). И если Субботин пока всего лишь не ладит со смотрителем Галицким — срок невелик, сосуществуют каких-то полтора года — не могло ли случиться, что Вергунов, вернувшись в Семипалатинск и приобретя лишних 100 рублей к окладу⁷⁹ (как видно из документов, в Семипалатинске он получает 350 рублей), вдруг осознал, что никак не победителем вернулся в изжившее его некогда училище, а очутился во вполне прежних и ненавистных ему обстоятельствах, и что в лице Галицкого нашел «достойного» преемника Делаткевича (мало важно, что Галицкий подал одобрительный рапорт о Вергунове вскоре после его перевода — может быть, искал контакта и «взаимопонимания»).

Очевидно, был Вергунов менее стоек, чем Михаил Субботин. Или — более раним. Возможно, отвык за барнаульский период от закулисных игр. Тогда как Субботин, переведенный в Семипалатинск из Кузнецкого уездного училища (такая вот фатальность!) и тоже с некоторым «шлейфом», еще был во всеоружии «бойца». Возможно — за справедливость. Документы красноречивы. В Кузнецке Субботин чем-то не угодил купцу Хворову. И — в Томске «сложилось мнение», что Субботину «по отношению к сослуживцам, а равно к кузнецкому обществу, необходимо переменить место служения». Впрочем — «Субботин учитель хороший. Что могут быть недоброжелатели, ищущие малейшего повода нагадить человеку, это я знаю по опыту...». Это — за подписью директора училищ Томской губернии⁸⁰...

Так или иначе, проработав всего лишь около года в Семипалатинске, Вергунов умер. Причем, как видно из документов, вероятно, скоропостижно. Ибо из «Ведомостей о пропущенных по болезни и иным причинам уроках за 1870 г. по Томской Дирекции» мы узнаем, что пропущенных уроков у Вергунова вообще не было⁸¹, а должность преподавателя русского языка в Семипалатинском уездном училище с октября 1870 г. (вплоть до назначения Субботина в марте 1871 г.) оставалась вакантной — стало быть, Вергунов вел занятия до самой своей кончины.

Жгучий вопрос. Вернемся к одному из наиболее разноречивых моментов биографии Вергунова — предмету многих разногласий: мог или не мог Вергунов сопровождать Достоевских, — вернее,

Исаеву, — по пути из Сибири в Европейскую Россию, ездить к Исаевой во Владимир, проститься с ней в Москве перед ее кончиной.

Не говоря об упомянутых в этой главе стремительных рокировках, предпринятых при помощи кузнецкого учителя, вышедшего на пенсию А. Калмакова, вдруг пожелавшего вернуться к исполнению своих обязанностей, именно тогда, когда это удобно Вергунову, чтобы покинуть Кузнецк и последовать за Достоевскими в Семипалатинск, не говоря о загадочной поездке Вергунова в Томск в марте 1857 года, обратимся к другим двум документам.

Мы уже знаем, что с 15 июня 1857 г. Вергунов числится учителем приходского училища в Семипалатинске. Но хлопоты Вергунова начались, «руками Калмакова», уже 17 февраля, то есть спустя 10 дней после венчания Достоевских. 4 марта Вергунов «летит» в Томск — ускорить события. Можно полагать, что Мария Дмитриевна о хлопотах знает. Но — знает ли Достоевский? Причем не только о намерении, но и о дате переезда, — или он поставлен перед фактом?

Итак, в рапорте от 27 июля 1857 г. Достоевский направляет командиру Сибирского линейного № 7 баталиона подполковнику Белихову рапорт, касающийся отправки Паши Исаева, сына Марии Дмитриевны, в Омский кадетский корпус. Он знает — Белихов, которого Достоевский называет «отцом», все сделает и во всем поможет — всего-то выдать прогонные деньги и подорожную, чтобы мальчик к 1 августа успел в Омск. Белихов — тот самый командир, которому в 1854 г. солдат Достоевский читает вслух газеты, специально для этого «прикомандированный» к Белиховскому дому. Где Достоевского всякий раз приглашают обедать и всячески привечают. К слову сказать, — именно в доме Белихова познакомился Достоевский с семейством Исаевых.

Рапорт же интересен для нас другим. 27 июля Достоевский сообщает в нем, что «вчерашняго числа, возвратясь из двухмесячного отпуска, данного мне для излечения от застарелой падучей болезни в форпосте Озерном, я получил из Семипалатинской городской полиции извещение, что насынок мой, девятилетний Исаев, принят в сибирский кадетский корпус» (28, I; 321—322). Стало быть, отпуск Достоевский получил и уехал на лечение в последних числах мая. 15 июня, когда Вергунов уже причислен к Семипалатинскому приходскому училищу, он находится в Озерном. Каким сюрпризом — если только он заранее от М. Д. не знал об этом — оказалось для него появление Вергунова в Семипалатинске, можно легко представить. Надо полагать, мотивы такого переезда Достоевскому были вполне ясны и никаким другим он поверить не мог.

Но возникает и другое сомнение. Всего после трех с небольшим месяцев после венчания с женщиной, которую он так иступленно любил, Достоевский покидает ее на целых два месяца. Если, зная о грядущем переезде Вергунова, — странно. Если, не зная, — то уж, наверное, догадываясь, что связи с Кузнецком не прерваны. Но — можете быть, именно потому и уезжает? И не началось ли охлаждение к Марии Дмитриевне именно из-за переезда Вергунова (знал, что собирается в Семипалатинск, и потому нарочито уехал из дому, предоставив возможность свободной встречи). Или, если не знал об этом заранее, то вернувшись из Озерного и узнав, — мог ли принять появление Вергунова в Семипалатинске спокойно, а не как доказательство неверности и даже вероломства последнего, но еще хуже, — также и Марии Дмитриевны?

К сожалению, чем дальше, тем больше, обращаясь к воспоминаниям дочери Достоевского Любови Федоровны, находим уже не то, в чем она не права, а, наоборот, — то, в чем приходится с ней соглашаться.

В книге своей она с нескрываемой ненавистью и сарказмом писала о возвращении Достоевских из Сибири: «Тем временем, пока Достоевский предавался в своей коляске подобным мечтам («представить родственникам любимую жену». — авт.), на расстоянии одной почтовой станции за ним следовал в бричке красивый учитель, которого жена Достоевского возила всюду за собой как собачонку. На каждой станции она оставляла для него спешно написанные любовные записки, сообщала ему, где они проведут ночь, приказывая ему остановиться на следующей станции, чтобы не опередить ее. Какое удовольствие испытывала эта белая негрятка, глядя на детский счастливое лицо своего бедного мужа»⁸².

Все это казалось злобным вымыслом. Однако — сверим документы и письма Достоевского к брату в предъотъездную пору из Сибири.

Из рапорта учителя Семипалатинского приходского училища Николая Вергунова штатному смотрителю кузнецких училищ: «...По случаю встретившейся необходимости быть в городе Томске **не ранее и не позднее июня месяца**, я почтительнейше прошу Ваше Высокоблагородие разрешить меня на такую поездку и при том не оставить высылкою увольнительного вида на все вакационное время. Мая 4 дня 1859 года № 26. Учитель Н. Вергунов»⁸³.

Из письма штатного смотрителя кузнецкого уездного училища П. Страшнина директору училищ Томской губернии от 10 мая 1859 г. № 94: «...Учитель Семипалатинского приходского училища Вергунов вошел ко мне рапортом от 4 мая сего года за № 21 об увольнении его в отпуск в Томск в июне и на все вакационное время. По уставу учебных заведений смотрители училищ могут

увольнять учителей в учебное время только на шесть дней. Представляя при сем рапорт учителя Вергунова, почтительнейше прошу Ваше Высочородие, снисходя к его просьбе, разрешить его в отпуск по благоусмотрению Вашему и выслать ему из Дирекции на время отлучки его увольнительный вид с тем, чтобы он должность свою сдал господину законоучителю семиналатинского училища благочинному Дерябину...»⁸⁴.

Явно, до появления в Семипалатинске Делаткевича в качестве штатного смотрителя, Вергунову жилось куда вольготнее...

Но почему «не ранее и не позднее июня месяца» требуется Вергунову отлучиться из Семипалатинска? Напомним — весной 1859 года Достоевские собираются уехать из Сибири.

Из письма Ф. М. Достоевского брату, 14 марта 1859 года, Семипалатинск: «... по случаю замедления отставки придется выехать, может быть, в августе, а я прежде рассчитывал выехать в апреле...» (28, I; 321—322).

Разговоры об отъезде муссируются, и Вергунов, несомненно, делает свои прикидки. Если первоначально думали выехать в апреле, а отставка задерживается — значит, через пару месяцев уж точно ехать. И тогда, считая, что июль и август — вакации, прихватить бы еще и июнь. Проводить и вернуться — три месяца (мы знаем, что до Твери Достоевские добирались 1 месяц и 16 дней) (28, I; 543). Но планы Ф. М. Достоевского постоянно меняются.

Из письма к брату 11 апреля 1859 г., Семипалатинск: «...Я пишу Каткову, чтоб выслал еще 200 руб. и что буду ждать от него до 15 июня. А там уж нельзя ждать — выеду» (28, I; 322—324).

Разговор об отъезде, конечно, главная тема во время встреч с Марией Дмитриевной (ибо можем ли мы усомниться, что в Семипалатинске они видятся?). Если срок намечен на середину июня, а об этом известно уже 11 апреля, как следует из упомянутого письма к брату Ф. М. Достоевского, то Вергунову самое время, загодя, 4 мая, сообщить, что ему надо «не раньше и не позднее июня» быть в Томске и еще прихватить вакационное время. Почему в Томске? Ну, не писать же, в самом деле, что он, сломя голову, едет вслед за Достоевскими, лишь бы еще хоть месяц побыть вместе с ними, хоть мельком встречая Марию Дмитриевну. А Томск — его родина. Мало ли зачем требуется человеку в совершенно определенное время оказаться в родном городе, где у него родственники и друзья...

Но вот рапорт Вергунова от 4 мая написан. У Ф. М. Достоевского планы опять колеблются, но на этот раз незначительно.

Из письма к брату 9 мая 1859 г., Семипалатинск: «...Выезжаю я, если только Бог поможет, 15 июня, но не раньше, а, может, и очень позже». Отставка задерживается и надо ждать «по крайней

мере до начала июня, покамест кончатся все формальности по корпусу и я буду уволен совершенно» (28, I; 324—327).

Как известно, Достоевские выехали 1 июля (28, I; 543). Сопровождал ли их Вергунов — о, конечно, на некотором расстоянии, — чтобы только получить от М. Д. наспех составленную записку, и тогда лишь остается удивляться этой поистине вертеровской тональности их отношений; или, возможно, напротив, опередив, чтобы загодя встречать в условленной точке остановки Марию Дмитриевну и только ее увидеть, — кто теперь скажет. Мы лишь сопоставляем документы, письма и свидетельства дочери Достоевского, довольно пристрастные (даже если и таили в себе зерно истины) по отношению к Марии Дмитриевне, как бы унаследованные от пристрастности матери.

Насколько пристрастна была к памяти Марии Дмитриевны А. Г. Достоевская? В книжке 3-й ее дневника за 1867 год, за вторник 8 октября/26 сентября читаем про то, что Ф. М. Достоевский рассказывал жене про свою прежнюю жизнь и про Марию Дмитриевну: «...Он все сидел у нее, потом ему вдруг сделалось скучно и он пошел на минуту к Ивановым, пробыл у них не более 5 минут и когда пошел домой, то к нему прибежали и сказали, что она кончается... Потом он рассказывал про ее последнее время, что ей уже года 3 до смерти представлялись разные вещи, виделось то, чего вовсе не было. Например, представлялся какой-нибудь человек и она уверяла, что такой человек был, между тем, решительно никого не было. Перед его отъездом в Петербург она выгоняла чертей из комнаты, для этого велела отворить окна и двери и стала выгонять чертей...»⁸⁵.

О, наивная и мудрая Анна Григорьевна, с которой Достоевский только начинает сживаться и, очевидно, рассказывает ей лишь «почти правду» о прошлом, угадывая ее ревность к памяти Марии Дмитриевны, и одновременно щадя память и не желая осквернять дурными воспоминаниями былое «грозное чувство»...

Итак — Исаевой виделось то, чего не было? Но, может, именно приезд Вергунова во Владимир, который и стал «чрезвычайным обстоятельством», заставившим Достоевского чуть не умирающую жену срочно увозить в Москву?

«Какой-нибудь человек» виделся Исаевой, какого на самом деле не было вовсе? О, юная Анна Григорьевна, не окажется ли много позже, что Вы расскажете дочери о некоем предсмертном признании Марии Дмитриевны, где назван будет «человек, которого не было», и, который до последних дней Марию Дмитриевну любил...

И, стало быть, перед отъездом Достоевского в Петербург — это его последний отъезд перед смертью жены — Мария Дмитриевна

«выгоняла чертей из комнаты»? Как, однако, щадил Вас, юная Анна Григорьевна, супруг, боясь назвать вполне возможную и, скорее всего, реальную версию: Марию Дмитриевну, умирающую, он увозит из Владимира, где она чувствовала себя почти сносно — по упомянутым выше «чрезвычайным обстоятельствам». В Москве здоровье ее ухудшилось настолько, что Достоевский пишет ее сестре с большой тревогой о ее состоянии (28, II; 62). И вот в середине февраля он покидает ее и уезжает в Петербург. Возможно, после очередного тягостного объяснения, которых было, наверное, так немало в их горьком «грозном чувстве». По словам Л. Ф. Достоевской, во время одной из таких сцен М. Д. сказала Достоевскому, что «ни одна порядочная женщина не могла бы полюбить бывшего преступника». И тут следует гневная тирада Любови Федоровны в адрес «белой негритянки»: «Лишь дочь раба могла питать подобную мысль в своей лакейской душе; подобный взгляд никогда не мог бы возникнуть у благородной европейской женщины»⁸⁶.

Не могло ли оказаться, что предсмертное признание было сделано Марией Дмитриевной Достоевскому либо во Владимире («чрезвычайные обстоятельства»), либо именно в эти чуть не последние дни ее жизни. Во всяком случае Л. Ф. Достоевская так описывает это событие: «Одиночество довело Марию Дмитриевну до крайности. Во время одной из обычных сцен, которые она делала своему мужу, она призналась Достоевскому во всем, рассказала свою любовную историю с молодым учителем со всеми подробностями. С утонченной жестокостью она сообщила моему отцу, как они вместе смеялись и издевались над обманутым мужем, призналась, что она никогда не любила его и вышла замуж «лишь из расчета».

Можно лишь попытаться представить последствия подобного объяснения между супругами. Дочь Достоевского пишет: «С растерзанной душой слушал он безумную исповедь жены. Так вот какова была... эта великая любовь... Эту мегеру он считал любящей и преданной женой. Достоевский был охвачен ужасом перед Марией Дмитриевной, покинул ее и бежал в Петербург, где искал утешения у своего брата Михаила, у своих племянников и племянниц. Итак, ему было сорок лет, и он еще не был любим»⁸⁷.

Мария Дмитриевна не знает, что уже 28 февраля Достоевский вернется в Москву. Равно как не знает, сколько дней жизни ей еще отпущено. Понимает лишь одно: он ее, смертельно больную, покидает. И, — конечно же, слезы, упреки: уезжай, уезжай, окна и двери настежь, у тебя нет сердца, ты не человек — дьявол. И вообще, — кто знает, какие слова исторгает из уст умирающей женщины любовь-ненависть, любовь-мучительство...

Но всё это — уже домыслы. Мы же лишь ставили себе цель предложить исследователям не только рокового 1864-го года, но и всей «кузнецкой коллизии» отважиться заглянуть за череду строго документированных фактов, ибо факты — лишь верхушки айсбергов, каковыми являются реальные жизненные ситуации, порожденные такими тончайшими материями, как психология и душа человека. Что достоверно, так это свидетельство Л. Ф. Достоевской, что в повести «Вечный муж» ее отец отобразил именно эту автобиографическую коллизию, представив самого себя в виде сорокалетнего Вельчанинова, но также: «Весь гнев обманутого мужа он излил в своем романе «Вечный муж», написанном им позже». И — «Достоевский изображает героя романа «Вечный муж» в виде существа презренного, некрасивого, старого, вульгарного и смешного. Возможно, что мой отец презирал себя самого за свою наивность и доверчивость, не позволившие ему открыть раньше бесстыдную интригу и наказать вероломных возлюбленных».

«Горячо! Горячо!» — хочется здесь, как в детской игре, воскликнуть в ответ на это сравнение, столь близко совпадающее с нашей собственной точкой зрения. Только Достоевский, который «крепко верил в себя», ниюгда не ощущал себя ничтожным, презренным. Такую роль он уготовил другому, истинно обманутому мужу, но это — предмет другой статьи...

ИСТОЧНИКИ

¹ П. Ф. Достоевская. Достоевский в изображении его дочери. М.—Пг., 1922. С. 28—29.

² См. подробнее: М. Кушникова. Черный человек сочинителя Достоевского. Новокузнецк, Изд. «Кузнецкая крепость». 1993.

³ Л. П. Блюммер. На Алтае / Под ред. М. Кушниковой. Новокузнецк. Изд. «Кузнецкая крепость». 1993.

⁴ ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 350, л. 28.

⁵ Там же, л. 27.

⁶ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 171, л. 64.

⁷ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 171, л. 58.

⁸ Там же, л. 64.

⁹ Там же, лл. 60—61.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. подробнее: М. Кушникова. Кузнецкие дни Федора Достоевского. Кемерово, 1990. С. 24—28.

¹² ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 171, л. 58.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 171, л. 67.

¹⁷ ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 373, л. 70.

¹⁸ Л. Ф. Достоевская. Достоевский в изображении его дочери. С. 32.

¹⁹ ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 373, л. 72.

- 20 Там же, л. 74.
- 21 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 350, лл. 46—47.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 218, л. 33.
- 25 Там же, л. 35.
- 26 Там же, л. 38.
- 27 ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 171, л. 57.
- 28 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 232, лл. 1, 9.
- 29 Там же, л. 36.
- 30 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 233, лл. 49—51.
- 31 Н. И. Левченко. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в Семипалатинский период жизни (1854—1859 гг.). Семипалатинск. 1991. С. 9.
- 32 ГАТО, ф. 125, оп. 2, д. 253, л. 1.
- 33 Там же, л. 3.
- 34 Н. И. Левченко. Указ. соч. С. 9.
- 35 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 190, л. 11.
- 36 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 199, лл. 79—82.
- 37 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 233, л. 90.
- 38 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 520, листы не пронумер.
- 39 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 249, л. 47.
- 40 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 255, л. 7.
- 42 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 340, лл. 36, 39.
- 43 ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 294, л. 272.
- 44 ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 111, л. 23.
- 45 Там же, л. 47.
- 46 Там же, л. 81.
- 47 Там же, л. 114.
- 48 ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 295, л. 25.
- 49 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 520, листы не пронумер.
- 50 Там же.
- 51 Н. И. Левченко. Указ. соч. С. 10.
- 52 См., напр., ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 520, листы не пронумер.
- 53 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 435, лл. 1, 6, 8, 12.
- 54 ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 259, л. 41.
- 55 Там же.
- 56 Там же, л. 43.
- 57 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 435, лл. 1, 6, 8, 12.
- 58 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 491, листы не пронумер.
- 59 Там же. См. также ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 418, л. 98.
- 60 ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 656, л. 7.
- 61 ГААК, ф. 163, оп. 1, дело с фотодокументами.
- 62 НБ ТГУ. — ОРК. — Витр. 783. — Л. 12—об.
- 63 Подробнее см. очерк «Тайна исповеди» в книге «Загадки провинции...».
- 64 Н. И. Левченко. Указ. соч. С. 12.
- 65 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 418, л. 98.
- 66 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 249, л. 11.
- 67 ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 96, лл. 86—87.
- 68 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 238, л. 10.
- 69 ГААК, ф. 163, оп. 1, дело с фотодокументами.
- 70 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 396, л. 14.
- 71 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 396, л. 13.
- 72 ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 190, л. 8.
- 73 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 418, л. 97.
- 74 ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 396, л. 161.

- ⁷⁵ ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 520, листы не пронумер.
- ⁷⁶ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 372, л. 369.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 312, л. 12.
- ⁸⁰ ГАТО, ф. 125, оп. 2, д. 332, л. 3.
- ⁸¹ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 330, л. 5.
- ⁸² Л. Ф. Достоевская. Указ. соч. С. 31.
- ⁸³ ГАТО, ф. 99, оп. 1, д. 273, листы не пронумер.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ А. Г. Достоевская. Дневник 1867 года. М., 1993. С. 286.
- ⁸⁶ Л. Ф. Достоевская. Указ. соч. С. 32.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.